

Литвинский Д.В.
К.ю.н., Docteur en droit (Université Panthéon-Assas)
Адвокат (Париж)
avocat@litvinski.com

**ТАМ ТЕБЕ, ДЕВОЧКА, НЕ МАМА, А ВРАЖЕСКАЯ НАТО !
(Верховный Суд РФ перешел от буквального применения Гаагской
конвенции 1980 г. к политико-правовой аргументации)**

(Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ дала новую интерпретацию правилам Гаагской конвенции 1980 г. о международном похищении детей. Распространение на семейную сферу нового экономико-дипломатического критерия «недружественности» иностранного государства фактически отменяет действие Конвенции в отношении тех стран, которые включены Россией в список недружественных. Судебной коллегией, по сути, сформулированы два новых, не предусмотренных Конвенцией основания, и один дополнительный фактор для отказа в возвращении незаконно перемещенного ребенка в страну его постоянного, до момента перемещения, проживания. Постоянный характер проживания ребенка в иностранном государстве на момент перемещения должен не только быть подтвержден по факту, но и основываться на наличии у его родителя административных документов, которые не рассматривались бы российским судом в качестве «временных». Иностранное государство, в котором ранее проживал ребенок, не должно быть занесено в список «недружественных» стран. Факт адаптации ребенка в России после перемещения теперь принимается во внимание всегда.)

| 1 / 22

*«Как два различных полюса,
Во всем враждебны мы:
За свет и мир мы боремся,
Они — за царство тьмы»
(В.И. Лебедев-Кумач)*

20 июля 2026 г. Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ вынесено новое определение по вопросам применения в России Гаагской конвенции от 25 октября 1980 г. о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей.

Судебная коллегия применила положения Конвенции к запросу о возвращении семилетней, на настоящий момент, девочки с территории России, куда она тайно была вывезена отцом, обратно на территорию Франции, где ребенок проживал с матерью – гражданкой Украины. Три года, предшествующие перемещению ребенка, признанному незаконным российскими судами трех инстанций, девочка находилась с матерью и ее новой семьей во Франции по виду на жительство в рамках программы временной защиты. Такой вид на жительство предоставляется Францией жителям определенных территорий, пострадавших в

результате гуманитарной катастрофы или военных действий. В апреле 2025 г. ребенок тайно вывезен отцом в Россию в нарушение достигнутого им с матерью соглашения о месте проживания девочки, которое также было утверждено и решением французского суда.

Для лучшего понимания определения Судебной коллегии, применяющего Гаагскую конвенцию 1980 г. в нынешнем политическом контексте, имеет смысл кратко представить судебные перипетии дела до момента обращения в суды в Российской Федерации.

Далее по тексту стороны дела будут обозначаться как «отец» и «мать», ребенок как «ребенок» или «девочка». В случае цитирования текста судебных решений, упоминаемые имена и фамилии заменены обозначениями, указанными выше.

I. ПРЕДЫСТОРИЯ ДЕЛА

Супруги сочетались браком в Киеве, на Украине. Через год после заключения брака у супругов родилась дочь. Два года спустя брак был расторгнут украинским судебным решением. После развода ребенок остался проживать с матерью, длительного совместного проживания с отцом никогда не было.

Родители имели различное гражданство. До спорного перемещения отец постоянно проживал на территории Украины.

В марте 2022 г., в связи с событиями специальной военной операции, как и многие граждане Украины, мать с трехлетней дочерью с согласия отца переезжает во Францию, куда через несколько месяцев приезжает и ее новый супруг. Все члены семьи получают во Франции вид на жительство в статусе лиц, находящихся под защитой французского государства. На территорию Украины они с тех пор не возвращались.

Отец с 2022 г. по 2025 г. проживал то в Киеве, где в 2023 г. им на десять лет продлен украинский вид на жительство, то в одном из государств ЕС, на территории которого на него как на лицо, перемещенное с территории Украины в результате военных действий, также распространяется статус лица, пользующегося защитой со стороны Европейского союза. Все это время он свободно путешествует по территории ЕС, регулярно появляясь, как свидетельствуют публикуемые им посты в открытом аккаунте Инстаграм [*Принадлежит Meta, чья деятельность признана в Российской Федерации экстремисткой и запрещена на территории Российской Федерации*] в качестве туриста в целом ряде европейских стран.

Девочка, дочь супругов, на момент ее перемещения в Россию отцом была полностью интегрирована во французскую образовательную и социальную среду несмотря на то, что разговорный язык в семье - русский. В семье девочки жила и ее сводная сестра - дочь нового супруга матери от предыдущего брака. Девочки – ровесницы и посещали одну школу.

Следует уточнить, что новая семья матери ребенка является благополучной семьей и имеет средства, позволяющие поддерживать определенный уровень жизни.

В соответствии с действующими во Франции административными правилами, вид на жительство во Франции автоматически продлевался супругам каждые шесть месяцев.

Статус лица, пользующегося временной защитой, основан на положениях [Директивы Совета 2001/55/ЕС от 20 июля 2001 г. о минимальных стандартах предоставления временной защиты в случае массового притока перемещённых лиц](#). Директива предусматривает, в частности, обязанность государств-членов выдавать лицам, пользующимся временной защитой, разрешения на проживание на весь срок действия такой защиты. [Исполнительным решением Совета \(ЕС\) 2022/382 от 4 марта 2022 г.](#) было установлено наличие массового притока перемещённых лиц из Украины в смысле статьи 5 Директивы 2001/55/ЕС и тем самым введён в действие режим временной защиты. Данный режим применяется, в частности, к гражданам, переехавшим с территории Украины после 24 февраля 2022 г. вследствие проведения в этой стране специальной военной операции. Срок действия временной защиты последовательно продлевается решениями Совета Европейского союза. В настоящее время действие режима временной защиты продлено [до 4 марта 2028 г.](#) Государствами ЕС режим получения вида на жительство по программе временной защиты интегрирован в национальное миграционное законодательство, применяя которое, в частности французская префектура регулярно продлевает действие ранее выданных документов, разрешающих проживание в стране.

| 3 / 22

Что касается отца и матери ребенка, то до апреля 2025 г. история развивается исключительно как ситуация семейных взаимоотношений между резидентами Украины по поводу общения с общим ребенком. Включая и судебные процессы, связанные с установлением порядка общения родителей с ребёнком, которые были инициированы отцом девочки на Украине и во Франции.

II. СУДЫ НА УКРАИНЕ И ВО ФРАНЦИИ. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОРЯДКА ОБЩЕНИЯ С РЕБЕНКОМ

По большому счету, как это иногда бывает, судебный конфликт между родителями ребенка начался с мелочи. Планшет матери, на который отец раньше звонил пятилетней дочери по своему усмотрению из Украины во Францию, в какой-то момент приходит в негодность.

Отец ребенка настаивает, что мать ребенка должна за свой счет приобрести дочери новый планшет, на который он мог бы звонить по видео в любое время по своему усмотрению. Со своей стороны мать исходит из того, что расходы по приобретению ребенку планшета должен нести отец, также как и оплачивать привязанный к планшету интернет-тариф.

Из последующих процессуальных позиций отца можно сделать вывод, как это указано в тексте впоследствии вынесенных в России судебных решений, о «межличностном конфликте» между бывшими супругами и «субъективном отношении» отца к новой семейной ситуации матери.

А. СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС НА УКРАИНЕ

В июне 2023 г. отец ребенка обращается, по месту своего на тот момент проживания, в один из районных судов Киева с иском о признании в судебном порядке режим общения с находящейся во Франции дочерью.

В украинском суде отец формулирует три основных требования к матери ребенка: зафиксировать время, в которое ему должна быть предоставлена бесперебойная видеосвязь с дочерью, обязать мать приобрести за свой собственный счет планшет для обеспечения такой видеосвязи, а также обязать мать привозить ребенка в Украину для общения с отцом каждые полтора месяца на срок не менее двух недель.

Решением от 6 ноября 2023 г. районный суд г. Киева, указав, что отец на законных основаниях находится на территории Украины, а мать с ребенком находится во Франции, закрепил график общения отца с ребенком посредством мобильной и видеосвязи, отказав отцу в удовлетворении требований к матери приобрести планшет для видеозвонков и регулярно привозить ребенка на территорию Украины.

Отец обжалует это решение в апелляции, и апелляционный суд г. Киева решением от 24 июня 2024 г. оставляет решения нижестоящих судов без изменения, дополнительно указав, что « [...] фактическое проживание ответчицы с малолетним ребенком не по месту регистрации в г. Киеве и последующий выезд за пределы Украины в связи с введением военного положения в Украине в феврале 2022 года, обстрелами и существованием угрозы жизни и здоровью ребенка не могут быть признаны созданием ответчицей препятствий истцу в общении с ребенком»; и « [...] определение судом иного порядка и места встреч, в частности на территории Западной Украины, на чем настаивает истец, по мнению коллегии судей, не будет соответствовать интересам ребенка с учетом его малолетнего возраста и приведет к нарушению режима дня ребенка ввиду значительного расстояния между местом проживания матери и ребенка и местом встреч с отцом. Кроме того, с учетом постоянных неоднократных обстрелов территории Западной Украины нельзя считать, что ребенок будет там находиться в безопасности».

| 4 / 22

Параллельно в украинских судах идет и процесс о выплате отцом алиментов на содержание дочери.

В. СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС ВО ФРАНЦИИ

Одновременно с судебным процессом, начатым им в Киеве, отец заявляет, в сентябре 2023 г. аналогичные судебные требования и во французском суде по месту проживания бывшей жены с дочерью. Первоначально сформулированные отцом требования дословно воспроизводят требования, ранее заявленные в украинских судах: приобретение матерью за свой счет планшета для видеозвонков и регулярные поездки ребенка к отцу на Украину.

Вероятно, отдавая себе отчет в том, что в сложившихся условиях мать ребенка категорически против пребывания малолетней дочери на территории Украины, и что, с учетом той тональности, в которой украинские события

освещаются во французской прессе, шансы убедить французский суд обязать мать привозить ребенка на территорию этой страны стремятся к нулю, в последней версии представленной в суд письменной позиции, отец указывает на готовность отказаться от требования привозить ребенка на Украину «до улучшения обстановки».

На судебном заседании 17 апреля 2024 г. французский судья по семейным делам задает отцу, приехавшему на заседание, вопрос о том, как он относится к тому, что место проживания дочери будет закреплено вместе с матерью во Франции. Отец отвечает согласием, это согласие вносится в протокол и будет в последующем отражено в тексте судебного решения.

В конечном итоге отец все-таки приобретает планшет для звонков и пересылает его во Францию на адрес офиса своего адвоката, где в июле 2024 г. планшет и передается матери. С этого момента и до апреля 2025 г. общение отца с дочерью носит регулярный характер.

27 сентября 2024 г. французский судья по семейным делам выносит решение, которым устанавливает график звонков отцу дочери и график передачи ребенка для общения с отцом в период школьных каникул, определив, что такое общение, если не будет дополнительного соглашения сторон, должно происходить на территории Франции.

Французский суд, в частности, отмечает в своем решении, что *«мать и отец пришли к согласию по поводу закрепления места проживания девочки по месту жительства матери, что фактически отражает реально сложившуюся ситуацию. Такое положение вещей соответствует интересам ребенка, достигнутое соглашение следует утвердить»*.

| 5 / 22

Ситуация выглядит урегулированной. Отец звонит дочери, когда он этого хочет, и несколько раз, по согласованию с матерью, забирает ее к себе на срок до нескольких недель. Правда, последняя поездка дочери к отцу заканчивается тем, что с матерью связываются сотрудники пограничной службы одной из стран ЕС, задержавшие отца с дочерью при попытке сесть на рейс, вылетающий за пределы Евросоюза. В итоге отец, объяснившись тем, что в последний момент решил свозить дочь на море, привозит девочку обратно матери во Францию.

В марте 2025 г. отец обращается к матери ребенка с предложением разрешить девочке провести с ним день рождения и еще две недели на море в отеле в Турции и просит дать письменное разрешение вывезти дочь за пределы ЕС. Предоставив матери копии билетов и подтверждений резервации отеля, ему удается убедить ее в прозрачности своих намерений. По соглашению между родителями, выезд ребёнку разрешен только на территорию Словакии и Турции, нахождение в других странах не предусматривается, к определенной дате ребенок должен быть возвращен матери во Францию.

Впрочем, испытывая определенные опасения, мать предлагает подписать письменное соглашение о поездке, в котором родители оговаривают в какой день и в каком месте будет находиться девочка, а также оговаривают обязанность отца ежедневно обеспечивать ребенку возможность видеозвонка с матерью. Для

надежности это соглашение подписывается обоими родителями и регистрируется в отделении полиции по месту жительства матери.

6 апреля 2025 г. отец приезжает во Францию и забирает ребенка с собой. До 16 апреля 2025 г. все идет хорошо. После указанной даты связь матери с дочерью пропадает.

До июня 2025 г. мать не знает, в какой стране находится ее шестилетняя дочь. Интенсивные поиски не дают результата. В итоге детективное агентство, в которое обратилась мать, смогло установить нахождение ребенка на территории России у родственников отца за 7 тысяч километров от места проживания матери и за 4,5 тысячи километров от ее первого дома в Киеве. Те же детективы устанавливают точную дату въезда отца с ребенком на территорию Российской Федерации.

Совокупность обстоятельств дела позволяет предположить, что незаконное, как это впоследствии было признано российскими судами трех инстанций, перемещение ребенка, совершенное вопреки выданному матерью разрешению и согласованному между родителями маршруту поездки, было подготовлено отцом заранее. Действительно, отец до этого момента в России не проживал и никогда не озвучивал свое намерение переехать на ее территорию.

С этого момента судебная история переносится на территорию России. Мать подает заявление о возвращении незаконно перемещенного ребенка по месту его постоянного проживания. Отец начинает в российских судах процедуру взыскания в свою пользу с матери алиментов на содержание дочери.

| 6 / 22

III. СУДЫ В РОССИИ. ГААГСКАЯ КОНВЕНЦИЯ 1980 г.

A. КОНВЕНЦИЯ 1980 г.

Как Россия, так и Франция являются участниками конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей, подписанной в Гааге 25 октября 1980 г. Россия присоединилась к конвенции в 2011 г., Франция - в 1982. Россия конвенцию не денонсировала и никак и никогда не ставила под сомнение свое участие в ней.

Сама Конвенция, которая применяется к любому ребенку, постоянно проживавшему в государстве-участнике непосредственно перед похищением, достаточно проста и предусматривает эффективный механизм возвращения незаконно перемещенного ребенка в ту страну, на территории которой он находился изначально.

Текст конвенции закрепляет простой и ясный принцип, в соответствии с которым в случае обращения заинтересованной стороны в судебный или административный орган государства, в которое незаконно вывезен ребенок, такой орган должен безотлагательно принять меры для его возвращения, дальнейшие же споры между родителями решаются в судебном порядке после возвращения ребенка по месту постоянного проживания.

Из такого же видения исходил ранее и российский Верховный Суд, прямо указывая в своем Обзоре практики рассмотрения судами дел о возвращении ребенка на основании Конвенции 1980 г. о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей, опубликованном 18 декабря 2019 г., что *«одной из целей Конвенции является обеспечение незамедлительного возвращения детей, незаконно перемещенных в любое из Договаривающихся государств»* (стр. 2 Обзора).

Текст конвенции предусматривает лишь четыре исключительных основания, при наличии которых суд может, хотя и не обязан, отказать в возвращении ребенка в государство первоначального проживания. Три таких условия сформулированы в ст. 13 Конвенции: - 1) если доказано, что на момент перемещения лицо, осуществлявшее заботу о ребенке не осуществляло свои права опеки или дало согласие на соответствующее перемещение, - 2) если доказано, что имеется очень серьезный риск того, что возвращение ребенка создаст угрозу причинения ему физического или психологического вреда, или иным образом поставит его в невыносимые условия, - 3) если ребенок достиг того возраста и той степени зрелости, при которых его мнение следует принимать во внимание и возражает против возвращения. Статья 20 предусматривает четвертое основание - 4) если возвращение ребенка противоречит основополагающим принципам запрашиваемого государства, касающимся защиты прав человека и основных свобод.

Иных оснований для отказа Конвенция не предусматривает. В комментируемом деле ни одно из указанных выше оснований не представлено. По крайней мере очевидно и однозначно.

| 7 / 22

При этом, в соответствии с правилами Гаагской конвенции 1980 г., никакие иные основания не могут обосновывать отказ от возвращения ребенка в страну проживания. Ни его гражданство, ни его возможная адаптация в стране перемещения (при условии, что требование о возврате подано до истечения года после переезда), ни возможные уголовные или административные риски для родителя – похитителя, в соответствии с правилами Конвенции, не принимаются во внимание.

В. НИЖЕСТОЯЩИЕ СУДЫ

Именно на основании Гаагской конвенции 1980 г., в июле 2025 г. мать, через российских адвокатов, подает иск в Центральный районный суд г. Новосибирска с требованием предписать отцу вернуть ребенка по месту его постоянного проживания у матери.

Поведение отца меняется. В материалах дела имеются нотариально зафиксированные публикации приписываемого отцу открытого аккаунта в запрещенной в РФ соцсети Фэйсбук [*Принадлежит Meta, чья деятельность признана в Российской Федерации экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации*], сделанные во время проживания на Украине и содержащие призывы российским солдатам не подчиняться приказам своего главнокомандующего. В представленных же в суд возражениях против заявления матери о возврате ребенка отец переносит акцент своей аргументации на патриотические и внешнеполитические соображения, высказываемые им уже с

российской стороны. Так, в возражениях против иска отец привлекает внимание суда к тому, что:

- «французская республика является иностранным государством, совершающим в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц недружественные действия»,
- «суд обязан учитывать внешнеполитический контекст и критически оценивать требования истца, которые фактически направлены на перемещение ребенка-гражданина РФ в недружественное государство к матери-беженцу гражданке Украины, не имеющей гражданства РФ и негативно настроенной против России»,
- в Европе начата работа по разработке очередного пакета санкций против России,
- «матерью навязываются и внушаются ребенку анти-российские установки, среда и бытовые условия, в которых проживает мать, является небезопасными для ребенка»,
- «мать, ребенок и ее супруг [...] во Французской Республике гражданства или вида на жительство не имеют», и что «пребывание матери и ребёнка на территории Республики Франции носило временный вынужденный характер»,
- «мать может пребывать на территории Российской Федерации в [...] качестве беженца и получать необходимую поддержку»,
- с отца вымогают деньги за общение с ребенком, а также
- ребенок отныне полностью интегрирован в России.

Также выясняется, что уже после подачи матерью в российский суд заявления о возвращении ребенка, отец оформил дочери российское гражданство.

| 8 / 22

1. Первая инстанция: вернуть ребенка в страну постоянного проживания

В решении, вынесенном по делу 23 октября 2025 г., Центральный районный суд г. Новосибирска буквально и дословно применяет правила Гаагской конвенции 1980 г. и предписывает незамедлительно вернуть несовершеннолетнего ребенка матери в страну его постоянного проживания.

При этом суд первой инстанции указывает, что им не установлено ни одного основания, предусмотренного Конвенцией, для отказа в удовлетворении заявления о возвращении девочки в страну ее постоянного проживания – Францию, и принимает во внимание, что «анализ материалов дела [...] свидетельствует о том, что действительной причиной перемещения и незаконного удержания детей на территории Российской Федерации является не наличие очень серьезного риска причинения вреда ребенку, а наличие межличностного конфликта между сторонами».

Отец обжалует это решение в апелляции, полностью воспроизводя в апелляционной жалобе позицию, которая ранее была сформулирована им в первой инстанции.

2. Апелляция: вернуть ребенка в страну постоянного проживания

По итогам заседания 11 декабря 2025 г., Новосибирский областной суд, мотивированное апелляционное определение которого изготовлено 19 декабря 2025 г., отмечает, что «одно из основных принципиальных положений Конвенции

состоит в том, чтобы ребенок был незамедлительно возвращен в страну своего постоянного (обычного) проживания. Случаи, когда в возвращении может быть отказано, должны иметь характер абсолютного исключения», и оставляет обжалуемое решение без изменений.

Отдельно апелляционное определение указывает, что ребенок с матерью имеют регистрацию по месту проживания во Франции, где они находятся более трех лет, что ребенок посещает во Франции школу, хорошо адаптирован к окружающей обстановке, владеет французским языком, что судебным актом на территории Франции установлено постоянное место жительства ребенка с матерью, и что, исходя из этого, Французскую Республику следует по факту признать страной постоянного проживания ребёнка.

Апелляционная инстанция уточняет, что отцом допущено незаконное перемещение ребенка на территорию Российской Федерации и дальнейшее незаконное удержание и что, таким образом нарушены права матери, которая согласие на перемещение не давала.

Суд апелляционной инстанции специально отмечает, что *«само по себе наличие у ребенка и его отца гражданства Российской Федерации не является в силу положений Конвенции, основанием для отказа в возвращении ребенка в страну постоянного проживания с матерью»*, а также подчеркивает, что ссылки на негативную среду, связанную с супругом матери, объективными и допустимыми доказательствами не подтверждены и *«основаны на субъективном отношении ответчика»*.

| 9 / 22

В решении также отмечается, что доводы о том, что возвращение ребёнка в недружественное государство создаст ему угрозу причинения физического или психологического вреда, не подтверждены.

Что касается аргумента отца о существовании риска возбуждения против него уголовного дела во Франции, то апелляционная инстанция по этому поводу отметила, что *«нарушая соглашение о порядке общения с ребенком и перемещая ребенка с территории, где ребенок проживал с матерью, ответчик должен был осознавать последствия своих действий»*.

Проанализировав контекст дела, апелляционная инстанция приходит к выводу, что *«действительной причиной незаконного перемещения и удержания ребенка на территории Российской Федерации является не наличие очень серьезного риска причинения ему вреда, а наличие субъективного желания ответчика на то, чтобы ребенок проживал с ним в условиях разрыва отношений между сторонами и наличием конфликтных отношений между бывшими супругами»*.

Отец ребенка обжалует решение. Теперь уже в кассации.

3. Кассация: вернуть ребенка в страну постоянного проживания

Кассационная жалоба со стороны отца, воспроизводя прежние аргументы, делает акцент на том, что *«нельзя возвращать ребенка-гражданина РФ гражданке Украины во Франции в ситуации, когда Россия проводит СВО, а русские солдаты*

погибают ради будущего российских граждан. Выдача ребенка в такой ситуации подрывает авторитет государственной власти, той идеологии, которая поддерживается Президентом РФ».

В качестве нового аргумента появляется довод о том, что «судами нижестоящих инстанций проигнорирован вынужденный и временный характер нахождения матери во Франции», и что мать, по предположениям кассатора, «планирует вернуться в Украину».

Определением Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 19 февраля 2026 г. в третий раз признано, что выводы судов первой и апелляционной инстанций отвечают требованиям российского законодательства, что «ребенок был незаконно перемещен в Российскую Федерацию», и что «[...] установлено, что Французская Республика является постоянным местом проживания ребенка с учетом деятельности, условий пребывания ребенка на территории Французской республики, места и условий посещения ребенком образовательных учреждений, семейных и социальных связей ребенка в этом государстве, языковых знаний ребенка», а также, что «на территории Французской Республики при разрешении спора между родителями относительно опеки над несовершеннолетней девочкой при непосредственном участии отца установлено постоянное место жительства девочки матерью», и что «[...] в настоящее время именно Французская Республика, на территории которой мать с дочерью получили временную защиту, где ребенок обеспечен соответствующими условиями, и где в период с марта 2022 по апрель 2025 г. девочка фактически проживала, является местом постоянного проживания ребенка».

| 10 / 22

Помимо этого, кассационная инстанция отметила, что «доводы жалобы о том, что судами проигнорирован тот факт, что мать – беженка гражданка Украины, просит вернуть ребенка в государство, совершающие недружественные действия против России, отмену состоявшихся по делу судебных актов повлечь не могут».

Также кассационная инстанция, сославшись на интерпретацию, данную в Пояснительном докладе к Конвенции 1980 г., опубликованном Гаагской конференцией по международному частному праву в 1982 г., еще раз подчеркнула, что «место постоянного проживания является вопросом факта».

Кассационный суд указал, что:

- «из материалов дела следует, что ответчик въехал на территорию Российской Федерации [...] апреля 2025 г., до указанной даты государственную границу Российской Федерации отец пересекал [...] 2018 г. Несовершеннолетняя девочка с момента рождения ранее никогда территорию Российской Федерации не посещала, впервые пересекла границу России вместе с отцом [...] апреля 2025 г. Принята в гражданство Российской Федерации [...] августа 2025 г.»;

- «по делу установлено, что девочка родилась на территории другого государства, на территории Российской Федерации до [...] апреля 2025 г. не проживала, не разлучалась с матерью на длительный срок. [...]»;

- «Судами верно отмечено, что несогласованное с матерью действие отца ребенка, внезапный переезд в другую страну, повлекший для ребенка резкую смену обычной обстановки, привычного для нее окружения, в котором девочка проживала более трех лет, в результате чего ребенок вынужден адаптироваться к новым для

нее условиям проживания, не могли не оказать неблагоприятного воздействия на психику ребенка»;

- «Кроме того, из объяснений сторон следует, что после начала специальной военной операции родителями ребенка было принято совместное решение о перемещении ребенка с матерью на территорию Французской Республики, переезд ответчика в Российскую Федерацию к родственникам не предполагался»;

- «Придя к выводу, что, нарушая соглашение о порядке общения с ребенком и незаконно перемещая ребенка с территории, где ребенок проживал с матерью, ответчик должен был осознавать последствия своих действий, судами обоснованно отклонена ссылка кассатора на возбуждение в отношении него уголовного дела за похищение ребенка и невозможность его поездок для общения с ребенком на территорию Франции».

Как итог, кассационная инстанция оставила рассматриваемую жалобу без удовлетворения.

Таким образом, российские суды трех инстанций единогласно признали действия отца по перемещению ребенка незаконными и, буквально применив правила Гаагской конвенции 1980 г., предписали вернуть ребенка по месту его постоянного проживания с матерью во Францию.

Однако отец обращается с жалобой в Верховный Суд, и, совершенно неожиданно, ситуация оборачивается на 180 градусов. Действие исполнительного листа, выданного ранее в связи с решением о передаче ребенка матери, приостановлено до рассмотрения дела высшей судебной инстанцией.

| 11 / 22

С. ВЕРХОВНЫЙ СУД

Жалоба, направленная отцом в Верховный Суд РФ, снова воспроизводит те же самые доводы, которые до этого были отклонены нижестоящими судами. Изучив ее жалобу, Верховный Суд посчитал дело заслуживающим внимания, истребовал его материалы и передал для рассмотрения Судебной коллегией по гражданским делам.

По итогам заседания от 20 июля 2026 г., Судебная коллегия, рассматривавшая дело в составе трех судей, огласила свое решение: решения нижестоящих судов о возвращении ребенка матери на территории Французской Республики отменить и принять новое решение об отказе в удовлетворении заявления матери о возвращении ребенка.

Текст мотивированного определения Судебной коллегии Верховного Суда от 20 июля 2026 г. обильно воспроизводит посвященные заботе о детях положения Конституции РФ, тезисы про детей как приоритет государственной политики России, положения Конвенции ООН 1989 г. о правах ребенка и Декларации прав ребенка 1959 г., принципы приоритетной защиты со стороны государства прав и интересов несовершеннолетних, материнства, отцовства и детства. В определении Судебной коллегии по гражданским делам особо отмечается, что ребенок должен «ограждаться от практики, которая может поощрять расовую, религиозную или какую-либо иную форму дискриминации. Он должен воспитываться в духе взаимопонимания, терпимости, дружбы между народами, мира и всеобщего братства».

Тем не менее, переходя далее непосредственно к применению правил Гаагской конвенции 1980 г., положения которой также детально воспроизводятся в тексте определения, Судебная коллегия, по итогам анализа, даваемого ею этому тексту, приходит к выводу о невозможности его применения по двум основаниям, прямо не предусмотренным в тексте конвенции.

Мотивировочная часть определения судебной коллегии следующая: *«Французская Республика не является государством постоянного места проживания несовершеннолетней девочки, имеется серьезный риск того, что возвращение девочки на территорию Французской Республики создаст угрозу причинения ей психологического вреда, девочка является гражданкой Российской Федерации и адаптировалась к жизни в Российской Федерации в семье отца [...], то есть имеют место установленные статьей 13 Конвенции [...] обстоятельства, при которых суд не обязан предписывать возвращение ребенка на территорию испрашиваемого государства».*

Несмотря на то, что использованная Судебной коллегией по гражданским делам формулировка о том, что нижестоящие суды *«не обязаны предписывать»* возвращение ребенка, - что, в то же самое время, не обязывает их и отказывать в удовлетворении запроса о возвращении, - фактическая отмена решений нижестоящих судов фактически же формулирует новые условия, при наличии которых нижестоящим российским судам следует отказывать заявителям в возвращении ребенка.

Первое основание для отказа - наличие у родителя, запрашивающего возвращение ребенка в страну его постоянного проживания, лишь временного вида на жительство в этой стране, несмотря на наличие иных обстоятельств, которые могли бы свидетельствовать о факте постоянного проживания ребенка на территории. Второе основание для отказа - перемещение ребенка с российским паспортом в страну-члена НАТО и члена Европейского союза может, по мнению судебной коллегии, привести к дискриминации ребенка. Третье, - даже не условие, а обстоятельство, важное значение которого подчеркивает Судебная коллегия, - состоявшаяся, с точки зрения Судебной коллегии, адаптация ребенка с российским гражданством в России.

| 12 / 22

Из трех оснований основное внимание Судебной коллегии Верховного Суда привлек аргумент о недружественности Франции! По сути, на нем и строится все определение.

Направленная в Верховный Суд жалоба формулирует довод о невозможности, в условиях проведения СВО, возвращения ребенка в недружественное государство как самостоятельное основание для отказа в возвращении. В интерпретации, данной этому аргументу Судебной коллегией по гражданским делам, тезис о недружественности Франции подведен под действие п. б) ст. 13 Конвенции и представлен, сам по себе, как источник риска причинения ребенку серьезного физического и психологического вреда. Соображение о временном, в административном плане, характере проживания ребенка во Франции использовано Судебной коллегией как дополнительный аргумент, позволяющий оставаться в рамках «конвенционного» толкования текста конвенции.

1. Адаптация ребенка: неважно, что год после перемещения не истек

Второй параграф ст. 12 Конвенции 1980 г. предусматривает, что *«даже в том случае, если процедуры начались по истечении срока в один год [...] судебный или административный орган также обязан предписать возвращение ребенка, если только не будет доказано, что ребенок адаптировался в новой среде»*.

Иными словами, Конвенция 1980 г. прямо исходит из того, что факт возможной адаптации ребенка в стране, в которую он был перемещен, не принимается во внимание если запрос о возвращении подан до истечения года с момента его перемещения. Государство, подписавшее Гаагскую конвенцию, в любом случае приняло на себя обязательство передать ребенка обратно.

В комментируемом деле ребенок перемещен на территорию России в апреле 2025 г. Запрос о возвращении подан в компетентный российский суд в июле 2025 г. Иначе говоря, запрос подан через 3,5 месяца после перемещения, т.е. в пределах года.

Впрочем, отменяя решения нижестоящих судов, Судебная коллегия ВС игнорирует это требование Конвенции, указывая в своем определении на значимость факта адаптации ребенка: *«В нарушении принципов, изложенных в Декларации прав ребенка и Конвенции о правах ребенка, суды первой и апелляционной инстанций, принимая решение о незамедлительном возвращении девочки на территорию Французской Республики, не учли, что девочка принята в гражданство Российской Федерации, у ребенка сложился круг общения с родственниками [...] в Российской Федерации, обстановка в семье отца благоприятная, ребенок обеспечен жильем, у нее есть необходимые вещи, игрушки, она владеет русским языком, посещает на постоянной основе дошкольное образовательное учреждение и спортивные занятия, то есть имеет место адаптация девочки к жизни в Российской Федерации в семье отца»*. [жирный шрифт и подчеркивание поставлены автором]

| 13 / 22

Иными словами, в новой интерпретации, данной Судебной коллегией тексту Конвенции 1980 г., факт возможной адаптации ребенка в новой среде должен иметь правовое значение всегда, вне зависимости от того, подан ли запрос на возвращение до истечения года после перемещения или после.

2. Место постоянного проживания ребенка: мать проживает во Франции по временному виду на жительство

Гаагская конвенция 1980 г., ставящая своей целью защитить детей, в международном масштабе, от вредных последствий их незаконного перемещения в другое государство или удержания на его территории, устанавливает процедуры, обеспечивающие незамедлительное возвращение похищенного, в смысле конвенции, ребенка в страну постоянного проживания.

При этом конвенция определяет, что речь идет о возвращении ребенка на территорию государства, *«в котором ребенок постоянно проживал до его перемещения»* (первый параграф ст. 3 конвенции) и что конвенция *«применяется к любому ребенку, постоянно проживавшему в каком-либо Договаривающемся государстве непосредственно перед нарушением прав опеки или доступа»* (ст. 4 Конвенции). [жирный шрифт и подчеркивание поставлены автором]

При рассмотрении дела в кассации, Восьмой кассационный суд общей юрисдикции сослался в своем определении от 19 февраля 2026 г. на опубликованный в 1982 г. Гаагской конференцией по международному частному праву Пояснительный доклад к Конвенции 1980 г. Пояснительный доклад исходит из того, что *«место постоянного проживания является вопросом факта»*.

При этом, в интерпретации положений Гаагской конвенции 1980 г. на настоящий момент сложился подход, общий для всех ранее принятых гаагских конвенций. Так, подготовленное Гаагской конференцией Практическое руководство по применению Гаагской конвенции 1996 г. по защите детей - в которой Россия, кстати, тоже участвует с 2012 г., - прямо указывает на взаимодополняющий характер двух гаагских конвенций, 1980 г. и 1996 г. (п. 13.1 и п. 13.4. Практического руководства) отмечая, что «понятие *«место постоянного проживания»*, являющееся общей коллизионной привязкой для всех современных Гаагских конвенций о защите детей [...] должно определяться в каждом конкретном случае **на основе фактических данных**. Это автономное понятие, которое должно прежде всего трактоваться в свете целей Конвенции, а не на основании ограничений, существующих в национальном законодательстве» (п. 4.5. Практического руководства) и «[...] *«постоянное проживание»* является **фактическим понятием**» (п. 4.6. Практического руководства). [жирный шрифт и подчеркивание поставлены автором]

Правило Гаагской конвенции 1980 г. сформулировано предельно четко. Из буквального толкования ее терминов следует, что ребенок, который до момента его перемещения уже по факту проживал в другом государстве-участнике, должен быть возвращен в это государство.

| 14 / 22

Иными словами, в понимании терминов Конвенции 1980 г. сложилось определенное единство как со стороны разработчиков, так и комментаторов. Из такого единства понимания ранее исходил и сам Верховный Суд в 2019 г. в упомянутом выше Обзоре от 18 декабря 2019 г., посвященном практике рассмотрения российскими судами дел о возвещении ребенка на основании Конвенции 1980 г. Верховный Суд прямо подчеркивал, что *«место постоянного проживания является вопросом факта»* (стр. 9 Обзора).

В Обзоре практики применения конвенции Верховный Суд давал примеры отказа в признании той же Франции постоянным местом проживания ребенка в случае, когда его мать, гражданка России до этого постоянно жившая в России, оказалась во Франции по краткосрочной шенгенской въездной визе исключительно в целях рождения ребенка в медицинском учреждении в этой стране. При этом, в другом приведенном в Обзоре примере, Верховный Суд сослался на признание факта постоянного проживания на территории Румынии ребенка, перемещенного в Россию, когда такой ребенок имел румынское и итальянское гражданство, и с момента своего рождения проживал с матерью на территории Румынии, при наличии решений румынского суда об установлении его места жительства в Румынии.

В новом, рассматриваемом здесь, определении от 20 июля 2026 г. Судебная коллегия Верховного Суда точно так же сослалась на Обзор практики от 2019 г., но, по известной коллегии причине, очевидно вдохновилась первым из приведенных выше случаев, а не вторым.

При этом Верховный Суд, используя несколько противоречивую формулировку, указал в определении от 20 июля 2026 г. что «суды первой и апелляционной инстанций, признавая Французскую республику государством постоянного проживания девочки, мотивировали это «лишь тем», что на территории Французской Республики мать вместе с дочерью получили временную защиту, во Французской Республике ребенок фактически проживал в период с марта 2022 года по апрель 2025 года и обеспечен соответствующими условиями». [жирный шрифт и подчеркивание поставлены автором]

При этом, нижестоящие суды, например мотивированное апелляционное определение от 19 декабря 2025 г., признавая факт постоянного проживания ребенка во Франции, прямо ссылаются на тот факт, что девочка и ее мать имеют постоянную регистрацию на территории этой страны, в которой им выданы документы на проживание в статусе временной защиты. Что более трех лет, предшествовавших его вывозу в Россию, ребенок постоянно проживал не территории Франции. Что у девочки во Франции есть постоянная медицинская страховка, и она проходила там лечение. Что девочка была записана во Франции в школу, адаптировалась к среде, выучила французский язык и говорит на нем без затруднений, завела много друзей. Что в соответствии с решением французского суда, вынесенным до вывоза ребенка в Россию при участии обоих родителей и с их согласия, место постоянного проживания ребенка было определено во Франции. И что, наконец, мать девочки согласия на вывоз ребенка на территорию России не давала.

Очевидно, что ситуация кардинально расходится с тем, что указывает в своем определении от 20 июля 2026 г. Верховный Суд, и что решения нижестоящих судов основывают признание факта постоянного проживания ребенка не только на проживании девочки и матери во Франции в статусе временной защиты, но и на целом ряде иных установленных и подтвержденных в суде обстоятельств.

| 15 / 22

Не признавая Францию местом постоянного проживания ребенка в смысле Конвенции 1980 г., Судебная коллегия Верховного Суда отказывается рассматривать обозначенный редакторами Конвенции и самим Верховным Судом ранее «*вопрос факта*» как тезис о достаточности фактического проживания ребенка в стране. Судебная коллегия подменяет первоначальный смысл этого понятия предписанием проверять, соответствует ли фактическое проживание в стране еще целому ряду дополнительных условий. На первое место в списке таких условий Судебная коллегия ставит необходимость оценки российским судом правового статуса, на основании которого ребенок и мать находятся в стране. Исходя из этого, Верховный Суд приходит к выводу, что трехлетний срок пребывания во Франции на законных основаниях является «*непродолжительным сроком*». При том, что этот срок представляет большую часть жизни ребенка и что существенно менее продолжительный срок его нахождения на территории России в глазах Верховного Суда представляется вполне достаточным.

Одновременно с этим, Судебная коллегия Верховного Суда, рассматривающая дело в июле 2026 г., выдвигает на первый план тот факт, что срок действия документов о временной защите во Франции, которые были представлены матерью при рассмотрении дела нижестоящими судами, истек до 18

марта 2026 г. То есть, до передачи дела в Верховный Суд, представление в котором сторонами новых доказательств не допускается по определению.

Отметим также, что Судебная коллегия отказалась принимать во внимание очевидный факт, что статус, на основании которого мать и дочь третий год проживают на территории Франции, является законным как с точки зрения французской префектуры, регулярно продлевающей им вид на жительство, так и с точки зрения французского судьи по семейным делам, который в своем решении от 27 сентября 2024 г. закрепил место жительства девочки по французскому адресу матери.

Наконец, ссылка в определении, вынесенном судьями Верховного Суда, на срок действия действующего на соответствующий момент вида на жительство во Франции, который или уже истек на момент рассмотрения дела Верховным Судом, хотя бы впоследствии и был продлен, или же носил срочный характер на момент рассмотрения дела нижестоящими судами, означает отказ Верховного Суда следовать буквальному толкованию текста правил Конвенции 1980 г. В то время как статьи 3 и 4 Конвенции, использующие глагол *«проживать»* в прошедшем времени, определяют, что достаточным является установление того факта, что до момента вывоза его в другую страну, ребенок постоянно проживал в государстве, из которого он был вывезен. Верховный Суд расширяет это правило, фактически предписывая нижестоящим судам оценивать характер постоянного проживания через призму того, каков срок действия выданного в стране вида на жительство и не может ли возникнуть у стороны в будущем желание поменять страну проживания. Иными словами, вместо оценки фактических обстоятельств, сложившихся на момент вывоза ребенка, Верховный Суд предлагает гадать по вероятностным вариантам развития событий в будущем.

| 16 / 22

3. Недружественная страна – член НАТО и член ЕС: российский ребенок может пострадать

Декларируя в своем определении от 20 июля 2026 г. необходимость оградить перемещенного в Россию ребенка *«от практики, которая может поощрять расовую, религиозную или какую-либо иную форму дискриминации»*, судебная коллегия Верховного Суда ссылается на игнорирование судами первой и апелляционной инстанций того обстоятельства, что *«Французская Республика – член Организации Североатлантического договора (НАТО), член Европейского союза, распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 430-р отнесена к иностранным государствам, совершающим в отношении Российской Федерации, российских юридических лиц и физических лиц недружественные действия»*.

Это обстоятельство, по мнению судей Судебной коллегии Верховного суда, позволяет отцу ребенка обоснованно утверждать, что возвращение во Францию девочки, которая действиями отца приобрела после ее перемещения в Россию и после начала матерью процедуры возвращения, в дополнение к украинскому гражданству, также и гражданство России, - *«может негативно отразиться на психологическом состоянии и не будет отвечать наилучшим интересам ребенка»*.

Эту ситуацию Верховный Суд подводит под действие п. б) первого параграфа ст. 13 Гаагской конвенции 1980 г., позволяющего отказать в возвращении ребенка

в страну постоянного проживания, если будет доказано, что *«имеется очень серьезный риск того, что возвращение ребенка создаст угрозу причинения ему физического или психологического вреда, или иным образом поставит его в невыносимые условия»*.

Отметим, что, в соответствии с текстом Конвенции 1980 г., реальность такого риска должна быть **доказана** стороной по делу. Иными словами, самих по себе слов ответчика или ссылки на декларации явно недостаточно, нужны какие-то материальные подтверждения наличия *«очень серьезного риска»*, которых в данном случае, кроме ссылки на распоряжение правительства РФ, представлено не было.

Отметим также, что Гагская конвенция 1980 г. специально подчеркивает, что имеющийся риск должен быть **«очень серьезным»**, т.е. должен быть связан с реальными угрозами благополучию девочки, разумеется, нуждающимся в подтверждении. Такого подтверждения в деле нет.

В любом случае, вне зависимости от того, подводит ли Верховный Суд ссылку на недружественность иностранного государства по отношению к России и его участие в военных блоках под применение положений ст. 13 Гагской конвенции 1980 г., или же формулирует такой статус иностранного государства в качестве самостоятельного основания для отказа в возвращении ребенка, совершенно невозможно понять, каким образом статус *«недружественности»* может негативно или позитивно отразиться на ситуации возвращения к своей матери семилетней девочки, обладающей российскими и украинскими паспортами. В чем конкретно будут проявляться негативные последствия, а тем более *«очень серьезные»*? В изъятии у ребенка российского паспорта? В депортации его вместе с матерью из страны? В какой-то дискриминации со стороны одноклассников при посещении французской школы? Верховный Суд предпочитает ограничиться общими декларативными фразами.

| 17 / 22

Позиция Судебной коллегии Верховного Суда представляется еще более противоречивой, если попытаться сформулировать ее другими словами. В рассматриваемом деле Франция предоставила украинским гражданам правовую защиту в связи с обстоятельствами проводимой Россией на территории Украины специальной военной операции. В этой ситуации, с точки зрения российского Верховного Суда, существует очень серьезный риск ухудшения положения этих граждан в связи с тем, что помимо украинского гражданства у одного из них в какой-то момент появляется также и российское.

Напомним, что список недружественных стран, перечисленных в распоряжении Правительства РФ от 5 марта 2022 г., на который ссылается Верховный Суд, утвержден во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 95 *«О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами»*. Речь идет о, можно надеяться, временно действующих между странами ограничениях дипломатического и экономического плана, однако Верховный Суд принимает на себя инициативу юридического распространения такого рода ограничений и на сферу семейных отношений.

Еще раз. Речь идет не о ссылке на когда-то уже принятые со стороны Франции конкретные ограничительные меры в отношении российских граждан, которыми может быть затронута ситуация семилетнего ребенка. Речь не о каких-то санкциях, которые могут быть приняты со стороны Франции в будущем. Речь о том, что положение ребенка за пределами России может быть затронуту принятым в России нормативным актом, устанавливающим список стран, позволяющих себе в ее отношении недружественные действия. Т.е. еще раз и снова. По логике, предлагаемой Верховным Судом, российский ребенок может пострадать, потому что Правительство России отнесло к категории недружественных страну, в которой родившийся на Украине ребенок до этого постоянно проживал.

Если углублять логику Судебной коллегии далее, то определение Верховного Суда оставляет в стороне и характеристику действий отца ребенка, оформившего дочери дополнительно к украинскому, второе, российское, гражданство и, тем самым, создавшего для нее *«очень серьезный риск»* физического и психологического вреда со стороны иностранного государства.

Подход, закрепленный в новом определении Верховного Суда, может создавать для недобросовестных родителей стимул рассчитывать на отказ в возвращении ребенка после его перемещения из недружественной страны на российскую территорию, откуда никакой «выдачи» уже нет. Воевать так воевать.

IV. ВМЕСТО ВЫВОДОВ

Определение Судебной коллегии Верховного Суда от 20 июля 2026 г. обладает горьким послевкусием, оставляя вопросы, повисающие в воздухе.

| 18 / 22

Подход и формулировки, использованные судьями трех инстанций российских судов, решения которых были отменены Судебной коллегией по гражданским делам, выглядят более продуманными и более подробно соотнесенными с тестом Конвенции 1980 г.

Очевидно, что подход, закрепленный в определении Верховного Суда от 20 июля 2026 г. – не соответствует не только тексту, но и самому духу Гаагской конвенции 1980 г. Вмешав соображения политического плана и отказавшись следовать букве Конвенции, расширив предусмотренные в Конвенции основания для отказа в возвращении ребенка по месту постоянного проживания с матерью, обдуманно приняв дело к рассмотрению и отменив решения нижестоящих судов, Верховный Суд, увы, оставил где-то далеко позади рамки правового поля.

Вся логика трех решений, вынесенных в деле нижестоящими российскими судебными инстанциями, направлена на буквальное исполнение правил Гаагской конвенции 1980 г. и обязательств, которые российское государство приняло на себя, подписывая конвенцию. Логика эта предписывает как можно скорее вернуть ребенка тому родителю, с которым до момента незаконного перемещения было определено место его проживания, - определено как несколькими решениями судов, так и письменным соглашением между родителями. Определение же Судебной коллегии Верховного Суда, напротив, исходит из стремления обосновать отказ возвращать ребенка с российским паспортом во Францию по месту проживания его матери с украинским гражданством. Стремления демонстративного, с учетом имевшегося в распоряжении Верховного Суда

арсенала процессуальных способов не привлекать излишнего внимания к, в целом, достаточно рядовому по своей формуле делу: не принимать жалобу к рассмотрению или же передать дело на новое рассмотрение нижестоящих судов.

Определение Верховного Суда имеет явно выраженный эффект для нижестоящей практики и демонстрирует то значение, которое Верховный Суд отныне придает нюансам применения Гаагской конвенции 1980 г.

Принцип Гаагской конвенции 1980 г. прост, однозначен и подтвержден тем же Верховным судом в Обзоре от 18 декабря 2019 г.: сначала оперативно возвращаем ребенка в страну постоянного проживания, потом разбираемся в нюансах отношений между родителями. Исключения возможны в чрезвычайных исключительных случаях.

При всём этом часть 4 ст. 15 Конституции РФ по-прежнему закрепляет принцип приоритета правил международного договора над внутренним законодательством РФ. Точно так же, как и п. 2 ст. 5 Федерального закона № 101-ФЗ «О международных договорах» и п. 1 ст. 6 Семейного кодекса РФ, раз уж в деле, о котором идёт речь, затрагивались семейные отношения. Логично ожидать, что Верховный Суд, применяя нормы права Российской Федерации, будет исходить в том числе из приоритета международного договора над цитируемым им в своём определении распоряжением Правительства РФ от 5 марта 2022 г., устанавливающим список недружественных стран. Но нет.

Расхождение с прежним подходом трудно объяснить простой ошибкой толкования, допущенной высшим судебным органом страны.

| 19 / 22

В своем Обзоре 2019 г., посвящённом практике применения Конвенции 1980 г., Верховный Суд привел двадцать случаев применения российскими судами Конвенции. В Обзоре в том числе даны и примеры дел, в которых было предписано возвращение незаконно перемещенного ребенка в страну постоянного проживания. Например, в Румынию или в Эстонию, которые на тот момент уже давно были членами НАТО. Или же на Украину, в ситуации, когда фабула судебного дела практически полностью совпадала с фабулой дела, рассмотренного в комментируемом здесь новом определении Судебной коллегии. А также и в Казахстан, в ситуации, когда ребенок обладал одновременно и казахским, и российским гражданством. При этом в этом последнем случае Верховный Суд обратил внимание на то, что *«лицо может иметь только одно место постоянного проживания, но при этом иметь несколько гражданств»* (стр. 11 Обзора).

Таким образом, до 2019 г. Верховный Суд исходил из допустимости ситуаций, в которых ребенок, обладающий как российским паспортом, так и паспортом другого государства, должен быть передан обратно в иностранное государство по месту своего первоначального проживания. Также как и ситуаций, когда речь идет о передаче ребенка в государство-член НАТО и член ЕС.

С момента опубликованного Верховным Судом Обзора судебной практики применения Конвенции 1980 г. российское право не поменялось. Поменялась политическая конъюнктура.

Если и можно предположить стремление Судебной коллегии сохранить формальную ссылку на все еще обязательную к применению Конвенцию путем расширительного толкования допускаемых ее текстом исключений, в том числе путем изменения изначальной логики использованного в Конвенции критерия

постоянного проживания, использованная в определении аргументация не выглядит достаточно убедительной. Попытка согласовать сделанный в определении вывод с буквальным текстом Конвенции выглядит по меньшей мере искусственной.

Действительно, как иначе обозначить ссылку Судебной коллегии по гражданским делам на временный характер статуса матери ребенка во Франции, в условиях, когда на момент перемещения ребенка на территорию России она уже три года прожила в стране с мужем и дочкой на полностью законных основаниях, и когда проживание ребёнка с матерью во Франции было закреплено как решением суда этой страны, так и письменным соглашением родителей, при том, что Гаагская конвенция 1980 г., исходя из того, что проживание является вопросом факта, признает достаточным, чтобы ребенок в стране *«постоянно проживал до момента перемещения»* (ст. 3 Конвенции) определяя свое применение к ребенку *«постоянно проживавшему»* в стране возвращения, а сам же Верховный Суд в своем Обзоре практики применения конвенции от 2019 г. подчеркивал, что проживание в смысле Конвенции – есть *«вопрос факта»* и отмечал, что *«лицо может иметь только одно место постоянного проживания»* (стр. 11 Обзора).

Чтобы признать в своем определении от 20 июля 2026 г., что *«Французская Республика не является государством постоянного места проживания несовершеннолетней»* девочки, судебная коллегия вынуждена прибегнуть к интерпретационной конструкции и вместо того, чтобы, как это предписывает Конвенция, констатировать уже состоявшийся в прошлом факт, предлагает направить взгляд на возможные перспективы ребенка и его матери в будущем.

| 20 / 22

Как тогда иначе понимать тезис о том, что участие недружественной Франции в военном блоке НАТО и политико-экономическом образовании ЕС представляет собой для семилетней девочки *«очень серьезный риск»* причинения ей *«физического или психологического вреда»* в смысле ст. 13 Конвенции? При том, что ребенок уже прожил в этой стране три года, и какого бы то ни было причиненного ему ранее вреда в рамках российской судебной процедуры выявлено не было.

Текст определения, увы, не раскрывает причин, по которым Судебная коллегия отходит от прежнего подхода к Конвенции. В этих условиях трудно избежать возможных предположений.

Аргументация, использованная в определении от 20 июля 2026 г., отменяющем решения о передаче малолетнего ребенка с российским и украинским паспортом обратно во Францию по месту проживания его матери – обладательницы украинского паспорта, объективно воспроизводит элементы актуальной внешнеполитической риторики, регулярно ссылающейся на недружественность европейских стран и их участие в военном блоке НАТО. При том обстоятельстве, что до 2019 г., как было отмечено выше, судя по Обзору практики применения Конвенции, факт участия иностранного государства в каких-то блоках не являлся обстоятельством, принимаемым во внимание, по крайней мере в том, что касается семейных дел.

Исходя из позиции Судебной коллегии, отныне и до новых вводных, нахождение во Франции для любого гражданина России, а тем более для малолетней девочки, само по себе является опасным и выступает источником

«очень серьезного риска» физического и психологического вреда, от которого российский гражданин должен быть защищен любой ценой.

Однако в отличие от политической повестки, имеющей общий характер, судебный процесс и принимаемое судом решение определяют судьбу конкретного человека с его конкретной историей, обстоятельствами, нуждающимися в конкретном и тщательном судебном исследовании, где велики риск и цена возможной ошибки. Особенно если речь идет об отношениях матери и ребенка в условиях конфликтных отношений, как это происходит сейчас между Украиной и Россией.

Вспомним, что Президент Российской Федерации еще во время своей встречи с Уполномоченным по правам ребенка в 2024 г. [декларирует необходимость воссоединения украинских детей со своими семьями](#), а в 2026 г. тот же Уполномоченный при Президенте РФ по правам ребенка заявляет, что [«продолжает по поручению Президента России Владимира Путина работу по воссоединению детей с их семьями в России, на Украине и в третьих странах»](#).

Даже если судебные органы и являются проводниками государственной политики, такая функция в любом случае должна отвечать критериям правовой предсказуемости и осуществляться на основании четко сформулированных норм и правил в границах существующего правового поля. Руководство принципом *«время такое»* в правовой сфере, обозначим мягко, неприемлемо.

Если в сложившихся политических условиях государство исходит из оправданности приостановления применения подписанного им международного соглашения, то гораздо более достойно будет сказать об этом прямо. Если государство приостанавливает действие этого соглашения в отношении отдельных его участников, то, как минимум честнее для уважающей себя страны, от имени которой судьи выносят решение, будет хотя бы уведомить об этом эти государства.

| 21 / 22

Если же такие функции по своей собственной инициативе на себя возлагает Верховный Суд, исходящий из того, что дело настолько важно, что заслуживает его рассмотрения, то новые принципы, из которых теперь должна исходить российская юстиция применительно к международным частным отношениям, в любом случае было бы более уважительно по отношению к самому себе озвучить прямо, а не обосновывать новый подход через воспроизведение в тексте определения многочисленных формулировок международных конвенций и декларацией о необходимости обеспечить защиту материнства и детства. Все иное выглядит как минимум как несоответствие между заявленной опорой на Конвенцию и фактически примененными критериями.

Несмотря на обилие в определении от 20 июля 2026 г. правовых формулировок из международных конвенций о необходимости защиты детства, нить размышлений судей Судебной коллегии по гражданским делам сконцентрирована не на действии нормы права применительно к жизненной ситуации конкретного ребенка, принудительно перемещенного одним из родителей из привычной сложившейся среды в новую для него среду, а исключительно на позиции оценки отношения иностранного государства к России.

Увлечшись цитированием принципов и деклараций, высший судебный орган страны упустил из виду, что целью этих принципов и деклараций является не украшение текста судебного решения, а защита конкретных прав в конкретной ситуации. В том числе и от недобросовестных действий отца, выразившихся, как это было ранее установлено российскими судами, в незаконном перемещении ребенка в Россию.

Сконцентрировавшись на экономической или дипломатической «недружественности» иностранного государства и выставляя эту предполагаемую недружественность как несущую в себе риск физического или психологического вреда для гражданина России также и в семейной сфере, Судебная коллегия даже не задается вопросом о том, превышает ли тот вред, который, как предполагается, может быть нанесен ребенку в результате возвращения на территорию этого государства, вред, который уже нанесен его физическому и психологическому здоровью в результате лишения контакта с родной матерью.

На войне лес рубят – щепки в сторону летят, и чьи-то маленькие жизни и интересы в расчет не принимаются. Такой подход, ограждающий ребенка от иностранного вмешательства, фактически ставит государственно-политические соображения выше индивидуальной оценки отношений ребенка с матерью или с отцом.

Позиция, закреплённая в новом определении Судебной коллегии по гражданским делам, идущая вразрез с правилами, зафиксированными в нормативных актах Российской Федерации, больше напоминает политическую декларацию, которую верховная судебная власть считала необходимым и оправданным высказать публично. Кто является реальным адресатом этого лозунга – французское государство, руководство Российской Федерации или российские суды, – можно только догадываться. Но, очевидно, что это не сам ребенок и не его родители.

| 22 / 22

Реальная дальнейшая судьба семилетней российской девочки, – да хотя бы и украинской, – незаконно, как это было признано судами трех инстанций, и тайно от матери вывезенной отцом из страны постоянного проживания, осталась как за пределами текста определения, принятого судьями Верховного Суда, так и за рамками исполнения принятых на себя Россией международных обязательств.

